

СТАТЬИ

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ ТЕМЧИН

Институт литовского языка

Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка (список XVI в.) и его учебно-методические приемы

В статье обосновывается характеристика недавно обнаруженного рукописного кириллического учебника древнееврейского языка, созданного совместными усилиями православных и иудейских книжников, как учебного пособия, с методической точки зрения значительно превосходящего иные восточнославянские двуязычные справочные материалы того же времени. С этой целью подробно описаны применяемые в нем приемы, направленные на такую подачу языкового и сопутствующего текстового (религиозно-культурного) материала, которая облегчила бы его усвоение потенциальным читателем. Методическую сторону рассматриваемого памятника письменности следует признать одним из результатов еврейского вклада в его создание.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, кириллическая письменность, иудейско-христианские отношения, древнееврейский язык, русская мова, библейские переводы, жидовствующие.

Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка известен в единственном списке по восточнославянскому четъему сборнику форматом в 4^о третьей четверти XVI века (Москва, Российский государственный архив древних актов, собр. Ф.Ф. Мазурина (ф. 196), оп. 1, № 616). Рукопись не имеет пока печатного описания; таковое в данный момент готовится к изданию Л.В. Мошковой. Интересующий нас учебник древнееврейского языка (л. 124–130) недавно опубликован [Темчин 2012a].

Сборник был создан на белорусских землях Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ), где бытовал в течение примерно ста лет. В 1656 году он был приобретен в Вильне Семеном Александровичем Вадбольским (о покупке сообщает маргинальная запись), происходившим от удельных князей белозерских, вместе с которым переместился в Московское государство (видимо, в Москву).

Основная структура сборника сформировалась, видимо, в Московской Руси — при московском митрополите Геронтии (1473–1489) и великом князе Иване III Васильевиче (1462–1505), именами которых завершаются входящие в сборник перечни русских митрополитов и князей. Однако учебник древнееврейского языка был создан, несомненно, в ВКЛ: его основным метаязыком является руська мова, а ветхозаветная Песнь песней цитируется по руськомовной версии Виленского ветхозаветного свода, дошедшего до нас в списке первой трети XVI века, но после 1517 г. (Вильнюс, Библиотека им. Врублевских Академии наук Литвы, F 19–262, л. 1–135). Оба текстологически взаимосвязанных памятника — Виленский ветхозаветный свод и кириллический учебник древнееврейского языка — восходят к более ранним (несохранившимся) оригиналам, предположительно созданным во второй половине XV века в Киеве под руководством местного ученого еврея Захарии бен Аарона га-Кохена [Темчин 2006; 2011], который в восточнославянском мире более известен под именем Схарии как родоначальник новгородского религиозного движения жидовствующих (1471–1504 гг.).

Рукописный учебник древнееврейского языка содержит материал трех рода: а) библейские тексты на древнееврейском языке, записанные кириллическими буквами (Бытие 2.8, 32.27–28; Псалом 150; Песнь песней 3.4 (либо 8.2), 8.5; Исайя 11.12); б) древнееврейско-руськомовный словарь с комментариями; в) фрагменты перевода трех книг Ветхого Завета (Бытие, Исайя, Песнь песней) на руську мову, иллюстрирующие отдельные позиции указанного выше словарика; центральное место в этих руськомовных библейских цитатах занимает изложение основных событий жизни патриарха Иакова-Израиля.

Составители рукописного учебника продемонстрировали знание шести языков: древнееврейского, руськой мовы, церковнославянского, арамейского (который по еврейской традиции назван здесь *вавилонским*: **по вавилѡскѣй, барѣ, йно сѣѣ**, л. 124 об.), греческого (**малахѣ по грѣкъ ѡнѣглѣ по рѡсѣкѣй посолѣ** на л. 126 об. и др.) и латыни (**по латинѣхѣ, кѡсѣпѡѣѣ, войни**, л. 126 об.). При этом церковнославянский язык и руську мову они считали стилистическими разновидностями единого письменного языка, который характеризовался ими выражением **по рѡсѣкѣй** [Темчин 2013]. Ниже будет показано, что аналогичным образом, в качестве вариантов единой лингвистической системы, ими воспринимались также различия между древнееврейским и арамейским.

Хотя основу памятника составляет двуязычный древнееврейско-руськомовный словарь, все же сам памятник, как мы увидим, не является лексикографическим пособием, обычным для восточнославянской

книжности того времени. Его учебно-методические приемы и иные особенности раскрываются ниже в отдельных разделах.

Этимология и двойное толкование (смысл и внутренняя форма)

Основу кириллического рукописного учебника составляет древнееврейско-руськомовный словарь, однако иногда дается перевод и с иных упоминаемых в данном памятнике языков: с арамейского (**по кавилѣскѣй, барѣ, йно сѣѣ**, л. 124 об.), греческого (**ψαλѣ рѣше пѣснь**, л. 124) и латинского (**по латинѣхѣ, коуспѣдіа, войни**, л. 126 об.).

В последних двух примерах речь идет не просто о переводе, а об *этимологии* толкуемых слов. Действительно, греч. ψαλμός ‘напряжение; звуки лиры; псалом’ было прекрасно известно православным славянам благодаря заимствованному ц.-слав. **псалѣмъ** ‘псалом’. Его значение эксплицировалось уточняющим надписанием некоторых псалмов, ср.: Пс 48.1 (47.1) др.-евр. מִזְמֹרֶת יְיָ = греч. ψαλμός ᾠδῆς = ц.-слав. **псалѣмъ пѣсни** (глаголическая Синайская псалтырь XI в.); Пс 83.1 (82.1) др.-евр. מִזְמֹרֶת יְיָ = греч. ᾠδὴ ψαλμοῦ = ц.-слав. **пѣснь пѣсаломъ** (Синайская псалтырь).

В таком случае представленный в рукописном учебнике перевод **ψαλѣ рѣше пѣснь** кажется банальным, но обретает существенный смысл в реальном контексте: **ψαλѣ посѣлѣній, мизѣмѣ, рѣше вѣспѣваніе, по числѣ еврейскѣ мѣморѣ. рѣз. по грѣческомѣ числѣ ψαλѣ рѣше пѣснь, рѣн**. Здесь указывается на взаимное расхождение еврейской и греческой традиций как в нумерации псалмов (последний псалом по отраженной здесь еврейской традиции имеет номер 147 [рѣз], а в греческой — 150 [рѣн]), так и по смысловым оттенкам названий: др.-евр. **мизѣмѣ, рѣше вѣспѣваніе** ≈ **ψαλѣ рѣше пѣснь**. Поскольку толкуемое **псалѣмъ** является не греческим словом, а церковнославянским грецизмом (на его языковую принадлежность указывает славянское окончание **-ѣ**, отличное от греч. -ος), то его определение в рукописном учебнике именно как *греческого* подразумевает этимологию этой лексемы.

Аналогичная ситуация наблюдается в толковании **по латинѣхѣ, коуспѣдіа, войни** (л. 126 об.). Латинское слово *custodia* ‘охрана; стража’ посредством греч. κουστωδία ‘стража’ (трижды употреблено в Новом Завете: Мф 27.65–66, 28.11) было заимствовано в ц.-слав. **коустодія** ‘сторож, стража’, хорошо известное православным славянским книжникам по церковнославянскому переводу Евангелия от Матфея. Представленная в кириллическом учебнике характеристика данного слова именно как *латинского* имеет в виду не лексику как таковую (она явля-

ется одновременно латинской, греческой и славянской), а ее глубинную этимологию.

Составители рукописного учебника нередко прибегают к двойному толкованию древнееврейского слова, которое сначала переводится “на греческий” и лишь затем на славянский. В шести случаях данный прием применен с эксплицитным обозначением языка-посредника: **по вавилѠскѣй, барѣ, ѥно сѣѣ, по ѣврейскѣй, ѥна, ѥно голѡубѣ; ѣ по грѣческѣй вариѠна по рѡукѣй сѣѣ голѡуби** (л. 124 об.–125); **ѥроушьлай, вѣласть многа, ѥли тако ѥроулай по грѣкѣй, ѥѣрѣмѣ. поѣкѣ, вѣдѣниѣ мира, ѥли покоѣ** (л. 125); **по ѣврейскѣй; ѥгошѡу мешиѣ. по ѥнѣ же ѣвреѣ поѣна закѡ ѥѡсѡу месѣѣ, по грѣкѣ же ѥсѡу хѣ, по рѡукѣй, спѣипѣ помазанѣникѣ** (л. 126); **ѡдамѡ сѣѣ, шѣпѣ. по грѣкѣй сѣ, по рѡукѣй поѣнѣ** (там же); **гевѣ по грѣкѣ ѡвель сѣказаѣтѣ сѣ, гевѣ, лѣшѣй** (там же); **малахѣ по грѣкѣ ѡнѣгѣ по рѡукѣй поѣсолѣ** (л. 126 об.).

Из приведенных примеров видно, что явное указание на *греческий язык* имеет в виду не реальную языковую принадлежность, а этимологическую характеристику славянских грецизмов. Так, определение **по грѣкѣ же ѥсѡу хѣ** содержит славянскую несклоняемую форму греческого происхождения (ц.-слав. **ѥсѡу** ≠ греч. Ἰησοῦς), известную по церковнославянским текстам древнейшего периода [Moszyński 1963; Темчин 1994]. Аналогичным образом в объяснении **по грѣкѣ ѡнѣгѣ** морфология последнего слова ясно указывает, что это не греческая лексема, а церковнославянский грецизм. Здесь опять виден этимологический подход.

Следовательно, вопреки ожиданиям, за определением **по грѣческѣй** (**по грѣкѣй**), **по грѣкѣ** скрывается не греческий язык как таковой, а этимологическая характеристика славянских (исходно церковнославянских, но по употреблению также русскомошных) слов. Смысл двойного перевода с древнееврейского сначала на “греческий” (в реальности же на славянский грецизм), а затем **по рѡукѣй** (в реальности на церковнославянский язык и/или руську мову) вполне ясен: сначала посредством стандартного славянского соответствия указывается *смысл* толкуемого семитского слова или имени, а затем славянскими же языковыми средствами раскрывается его *внутренняя форма*.

Еще четыре раза описанный выше прием двойного толкования применен имплицитно, без явного указания на “греческий” как промежуточный язык-посредник (источник славянских грецизмов): **по ѣврейскѣй, ѥшаѣѣ, ѥсаѣѣ, поѣлѣ** (л. 124 об.); **шломѣ, солѣмѣ, мирѣ ѣ** (там же); **пара фараѣ, праѣѣнѣ** (л. 125); **мишѣрай, ѣгипѣтѣ; поѣкѣѣтѣ сѣѣ тѡуга, ѥли глаѣ** (л. 125–125 об.); **малахѣмѣ, ѡнѣгли, сѣрѣѣ поѣслѣ** (л. 129 об.).

Наконец, иногда смысл и внутренняя форма древнееврейского слова раскрываются собственно славянскими языковыми средствами, без обращения к очевидным грецизмам: **когелосѣ, црѣковѣ, рѣше, сѣбѣранїе** (л. 126 об.–127); **члѣкъ ѡдѡ; рѣше, земѣнѣ** (л. 129–129 об.). Хотя слово *церковь* является в своих истоках греческим словом, попавшим к славянам через германское посредство [Фасмер 1986–1987, т. 4, с. 300], вряд ли это обстоятельство было известно книжникам XV–XVI веков. В одном случае перевод и внутренняя форма толкуемого слова приведены не подряд, а разделены иным словарным материалом: **ѡдѡ, римѣ <...> ѡдѡ, рѣше, чѣмныйи** (л. 129 об.); ср. также: **ѡдомѣ, рѣше, чѣмныйи <...> исѡвѣ, ѡдѡ, рѣше волосѣ чѣмѣ** (л. 130).

Метод двойного толкования (смысла и внутренней формы слова) используется в рукописном учебнике вполне регулярно — он применен в общей сложности 14 раз.

Итак, за упоминаниями греческого и латинского языков в действительности скрываются указания на греческое и латинское происхождение славянских слов (нескольких грецизмов и одного латинизма). Следовательно, указанные языки интересовали составителей рукописного учебника древнееврейского языка не сами по себе, а лишь ввиду их способности объяснить лексические особенности церковнославянского перевода Священного Писания (Ветхого и Нового Завета). При толковании семитских слов (древнееврейских и одного арамейского) составители нередко стремились раскрыть как их смысл (обычно посредством указания на славянский эквивалент, часто грецизм), так и внутреннюю форму.

Раскрытие полисемии (преимущественно имен и апеллятивов)

Некоторые древнееврейские слова появляются в рукописном учебнике дважды — в различных контекстах, которые указывают на наличие у них *разных значений*. Таким образом толкуются личные имена *Адам, Сара* и *Израиль* и соответствующие им апеллятивы, обозначающие ‘человек’, ‘госпожа’ и ‘израильский народ’, ср. серию личных имен (**ѡдама, зѣла, ѡдѡ. зѣленѣ, да, сѡу, ѣла, бѣжїи; ѡукоупѣ рещи, даѣлѣ, сѡу бѣжїи, ѡвѣрага, ѡцѣ мноѣсѣа, сара пани сѡра пани велииѣ сирѣ, вѣ бѡшаѣ, йѡакимѣ, поставѣленїе, ханѣна, помилованїе**, л. 125) и библейское повествование о вторичном имяназвании (**важомѣ аѡ ѡковѣ, ѣамерѣ ѡдѣ шїха, ки йѣ, йсраѣлѣ; тѡ й рѣ, не ѡковѣ бѡдѣлѣ рѣнѡ еѣе ймѡ твое, нѡ тѡмо мѡужѣ бѣѣ**, л. 128 об.) с представленной ниже серией нарицательных имен (**мѡужѣ йшѣ, жена йша члѣкъ ѡдѡ; рѣше, земѣнѣ, земла, ѡдама, нѣсѡ, шамай, свѣзѣи, кохавѣлѣ, лѡуна, лѡана**,

мѣъ, ходишь, ѿгнь ѣшь, вода, майъ, река, нагаръ, рекы нагарѣ, потѣ, нахъ, или маѣ, потоки, нахлѣ <...> малахимъ, англи, сирѣ послы, сара, пани, саръ, пѣ, ѣсраѣ, боѣриѣ ѣжи или тако събоѣриѣ съ англѣ ѣжіймъ л. 129–129 об.). Это двойное толкование (в различных контекстах) демонстрирует способность некоторых древнееврейских слов употребляться в разных значениях, точнее — в разных языковых функциях: имени собственного и нарицательного.

Поскольку имя нарицательное может рассматриваться в качестве внутренней формы соответствующего имени собственного (которое, как известно, значением не обладает), эти случаи по сути близки рассмотренным в предыдущем разделе примерам двойного толкования (смысла и внутренней формы) личных имен и топонимов. Те примеры тоже демонстрируют двусмысленность древнееврейских слов и грамматических форм, ср. шомъ, солъмъ, миръ ѣ, где сначала указан смысл (имя собственное), а затем — соответствующее значение (его апеллятив, представляющий собой грамматическую форму имени нарицательного). Такого рода полисемия неоднократно эксплицируется в рукописном учебнике древнееврейского языка.

Однажды в разных местах кириллического учебника подразумеваются различные значения одного и того же имени нарицательного, но это заметно лишь по окружающему контексту (соседним толкуемым словам). Так, др.-евр. מַלְאָכִים сначала толкуется в смысле ‘ангел’ в составе тематической группы слов, связанной с бесплотными силами (микъ, ѿполѣ, йлъ, ѣгъ, по грѣкъ михай, рѣше ѿполѣ ѣъ малахъ по грѣкъ англъ по рѣкъ посолъ <...> габъриѣ, мѣѣкъ, ѣжиѣ, л. 126 об.), а затем в значении ‘посланец’ среди социальных терминов господства и подчинения (малахимъ, англи, сирѣ послы, сара, пани, саръ, пѣ, ѣсраѣ, боѣриѣ ѣжи или тако събоѣриѣ съ англѣ ѣжіймъ, л. 129 об.). Нас не должно смущать, что здесь оба раза представлено одинаковое толкование: малахъ по грѣкъ англъ по рѣкъ посолъ (л. 126 об.) и малахимъ, англи, сирѣ послы (л. 129 об.), поскольку контекст разных тематических групп (подробнее ниже) подсказывает, что в первом случае актуальным является “греческий”, а во втором — “русский” элемент толкования. При этом в первом контексте сначала толкуется смысл слова (малахъ по грѣкъ англъ), а затем раскрывается его внутренняя форма (по рѣкъ посолъ). Во втором же контексте следует видеть одновременное раскрытие двух значений древнееврейского слова (малахимъ, англи, сирѣ послы).

Составители учебника, несомненно, осознавали, что одно и то же слово (а одним словом считалась также совокупность омонимов) может

иметь разные значения. Так, в толковании **йрѡушьлай, в'ласть многа, или тако йрѡулай по грѣкѣи, йѣрѡмъ. пѡкъ, видѣнїе мира, или покоѡ** (л. 125) последнее уточнение сделано для того, чтобы отделить **миръ**₁ 'покой' от **миръ**₂ 'вселенная', ведь иначе предлагаемая дефиниция была бы семантически амбивалентной.

От всех этих случаев следует отличать формальное повторение одного и того же толкования (**ѣдѡ, рѣше, чѣмный** на л. 129 об. и **ѣдомъ, рѣше, чѣмный** <...> **йсаѡвъ, ѣдѡ, рѣше волоса чѣмѣ** на л. 130), в том числе обусловленное тем, что иногда личное имя (**йсахаръ, наѣмъ, дѡ, сѡу, гадъ, полкъ**, л. 129) может выступать в качестве компонента составного имени (**дѡ, сѡу, ѡлъ, бѣжїи; ѣ оукупѣ рещи, дѡѡлъ, сѡу бѣжїи**, л. 125).

Синонимические толкования и дублетные переводы

В рукописном учебнике встречаются синонимические (и близкие к ним) толкования отдельных древнееврейских слов либо фрагментов библейского текста: **ѡвадѡ погибель, рѣше, д'нѡ прейспѡнеѣ** (л. 126); **ки сариса ймъ ѣлѡгимъ; пѡ, й възмогъ ѣси съ богомъ; йны пѡ, йбо бѡрѡ сѡ ѣси съ богѡ** (л. 128 об.); **ѡйсана, подоймѣ, или възмѣтъ** (л. 129). Иногда семантически близкие толкования представлены в разных местах учебника: **ѡлъ, бѣжїи** (л. 125); **йлъ, бѣтъ** (л. 126 об.). Обращает на себя внимание три толкования имени Израиль: **ѡжомѣ лѡ йаковъ, ѡамеръ ѡдъ шїѡа, ки йѡ, йсраѣлъ; пѡ й рѣ, не йаковъ бѡудѣтъ рѣнѡ ѣще ймѡ пѡѡѣ, нѡ пѡѡмо мѡужѣ бѣтъ** (л. 128 об.); **ѣсраѣ, бѡарї бѣжїи или тако сѡбѡарї сѡ аѡгѡ бѣжїимъ** (л. 129 об.).

От этих примеров следует отличать передачу одного и того же значения средствами двух языков — церковнославянского и русской мовы (которая в 4-х случаях из 5-и выступает на первом месте): л. 125 **сѡра пани велиѡ** (ц.-слав.) **сирѣ, вѣѣ бѡшаѡ** (руська мова); л. 129 **лѣѡї, пригромѡдѣнїе** (руська мова), **рѣше, сѡѡѡкуп'ленїе** (ц.-слав.); л. 129 **йз'ѡуѡѡ, бѡпѡѡнїе** (руська мова), **рѣше, бѡпѡнїе** (ц.-слав.).

Дважды оба описанных выше приема комбинируются: двуязычные толкования одного и того же древнееврейского слова не тождественны по смыслу: л. 124 об. **дѡѡ, лѡѡѡстѡ** (руська мова), **или възѡѡѡ'леннї** (ц.-слав.); л. 126 **йѣденъ коѡѡ** (руська мова) **рѣше, пѡѡѡ** (ц.-слав.). Следовательно, выражение значения одного и того же толкуемого слова сразу на двух языках (на русской мове и по-церковнославянски) не воспринималось составителями рукописного учебника как тавтология, а предлагаемые толкования — как вполне синонимические. Видимо, во всех случаях между разноречивыми толкованиями предполагалось на-

ства, что переводы могли создаваться в сотрудничестве двух переводчиков, принадлежавших к разным конфессиям. Метод их работы мог быть основан на диктовке или декламации текста, часто в нескольких редакциях. Еврей-переводчик мог устно пословно перелагать текст на разговорный восточнославянский язык. После этого древнерусский переводчик записывал получившийся текст, обычно в соответствии с исходным его толкованием, но иногда он не останавливался на этом и приближал свое произведение к славянской литературной норме. Об использовании подобного метода при переводе свидетельствуют повторы не только слов, но и целых предложений и частей предложений, которые следует понимать не иначе как исправления, вносившиеся переводчиком в процессе работы” [Таубе 2010, 385].

Так же могут объясняться и синонимические толкования рукописного учебника, сначала выраженные на русской мове, а затем по-церковнославянски. Не исключено, что это объяснение применимо также к тем дефинициям одного и того же древнееврейского слова, которые выполнены на разных языках, но не тождественны по смыслу.

Однако если оба из более или менее синонимических толкований либо дублетных переводов выполнены на одном и том же языке (русской мове), их следует отнести на счет диктующего еврейского переводчика (которой поправил собственный перевод либо предложил альтернативный), а не записывающего славянского писца: последний, не зная смысла исходного семитского слова или фрагмента текста, не был способен корректировать предлагаемый ему перевод в иных отношениях, кроме чисто языкового. Диктующий же переводчик мог не только поправить предложенный им самим первоначальный перевод, но и намеренно предложить сразу несколько переводческих решений, которые в своей совокупности передавали бы разные оттенки смысла и/или многозначность древнееврейского текста. Видимо, именно так следует интерпретировать пример дублетного русскомоновного перевода, приводимый М. Таубе [Taube 2005, 191].

Альтернативные толкования и ссылки на источники

Иногда рукописный учебник дает альтернативные (несинонимические) толкования одного и того же древнееврейского слова, и во всех случаях это — имя собственное (топоним и/или личное имя): **йрѡушлай**, **в’ласть многа**, **или тако йрѡулай по грѣкѣи**, **йѣрѡлѣмъ. пѡкъ, видѣниѣ мира**, **или покоѣ** (л. 125); **мицьрай**, **ѣгипетѣ**; **пѡкъсетѣ сѣа тѡуга**, **или гла’** (л. 125–125 об.); **наѣпа**, **просьба**, **или премоѣнѣ** (л. 129); **ѣковѣ**, **лестѣ**, **или, пѣпта** (л. 129 об.), причем в одном месте приводится экс-

плицитная ссылка на разные источники альтернативных переводов-толкований: **А́лѣма молѣща** <...> **И́нѣи же евреѣи поѣкоуѣ**, **А́лѣма**, **Дѣца** (л. 125 об.)¹.

В ином месте дается ссылка на источники разных произносительных норм толкуемых древнееврейских слов: **по евреѣи**; **ѣгошѣу мешиѣ**. **по инѣи же евреѣи поѣа зако** иѣсѣу месѣѣ, **по грѣко же ѣсѣу хѣ**, **по рѣуѣи**, **спѣитѣ помазанѣникѣ** (л. 126).

Эти глухие ссылки позволяют утверждать, что составители рукописного учебника древнееврейского языка осознавали наличие *полного* и *неполного* (караимского или связанного с частичным прозелитизмом?) иудейского Закона, были знакомы с различными раввинистическими традициями и по крайней мере с двумя альтернативными (региональными) системами произношения древнееврейского языка.

Подробность лексикографической разработки

В рукописном учебнике многие семитские слова переведены одной славянской лексемой, как это обычно делалось в древнерусских двязычных лексиконах (азбуковниках). Но в отличие от последних, в нашем памятнике иногда встречаются развернутые определения: **по евреѣи**, **каѣторѣ**; **рѣше**, **на врѣхѣу лѣствицѣи въсходѣцѣ прѣ двѣрьми сѣньными** (л. 125 об.); **циѣнѣ**, **знамѣ на поѣли**, **чѣто поѣкнѣ** (л. 129). Сюда же следует отнести толкование **ѣбиѣѣ**, **пожитѣ всѣ добѣра зѣна плода** (125 об.) к др.-евр. **וְצִיֹּן** ‘хороший урожай; сытость; обилие’, механически пропущенному в дошедшем до нас списке рукописного учебника (о чем ниже).

На первый взгляд в толковании **равѣ**, **ѣучѣѣлѣ велѣи** (л. 125) можно усмотреть попытку передачи полисемии. Дело в том, что наряду с др.-евр. **רַבֿ** ‘учитель; раввин’ существует омоним со значением ‘многий; многочисленный; великий, важный’. В связи с этим приведенное выше толкование можно понимать двояко: а) ‘великий учитель’; б) ‘учитель; великий’. Во втором случае следовало бы признать явное отражение многозначности толкуемого слова, что, однако, не слишком вероятно ввиду отсутствия союза либо иного пояснения между обеими словами дефиниции, ср. единственный пример передачи полисемии толкуемого слова в рассматриваемом памятнике: **малаѣхимѣ**, **а́нѣли**, **сирѣ послѣи** (л. 129 об.). Поэтому более правдоподобна первая из возможных интерпретаций (‘великий учитель’), которая имплицитно предполагает существование в языке соотносимого слова со значением ‘(обычный) учитель’. Таковым можно считать др.-евр. **מֹרֶה** ‘учитель, преподаватель; воспитатель’ — это слово отсутствует в рукописном учебнике древнеев-

рейского языка, но его наличие в описываемой языковой системе предполагается толкованием слова **равъ** именно как ‘великий учитель’, а не просто ‘учитель’, как это сделано, например, в церковнославянском Евангелии (вслед за греческим оригиналом), ср.: Ин 1.38 **она же рѣсте емоу равви. еже глѣть са съказаню оучителю** — глаголическое Мариинское евангелие XI века и многие иные списки [Алексеев 1998, 6].

Аналогией к имплицитному семантическому противопоставлению по признаку *великий/обычный* является демонстрируемая рукописным учебником антитеза старой и новой формы имени Сары/Сарры, жены Авраама: **сара пани с̣ара пани велий̣ сирѣ, вѣѣ б̣оша̣а** (л. 125), ср. также **сара, пани, саръ, п̣а** (л. 129 об.). Обстоятельства возникновения нового имени изложены в Библии (Быт 17.15: И сказал Бог Аврааму: Сару, жену твою, не называй Сарою [יְרֵי 'моя госпожа'], но да будет имя ей: Сарра [סָרָה 'госпожа']). Устранение в древнееврейском имени местоименного суффикса притяжательности 1 л. ед. ч. передано в греческом посредством удвоения второго согласного, что позже перешло в славянскую традицию, и именно в такой (греческой по происхождению) форме оба имени представлены в рукописном учебнике (**сара** и **с̣ара**). При этом изменение формы имени объяснено семантическим изменением через усиление исходного значения (**пани** и **пани велий̣ сирѣ, вѣѣ б̣оша̣а**). Изложенное здесь понимание восходит к крупнейшему иудейскому комментатору Раши (1040–1105): “**Не называй Сарою** (*Saray*) — что звучит как ‘моя госпожа’ — моя, но не других. **Сарра** — ее имя означает более общее понятие, так как она будет госпожей над всеми” [КБК, 232], а через него — к Талмуду (Берахот 1.12): “прежде она была госпожей (*saray*) над ее племенем, а теперь станет госпожей (*sarra*) над всеми племенами” [Переферкович 1902, 5].

Таким образом, взаимное семантическое противопоставление **сара пани** и **с̣ара пани велий̣ сирѣ, в̣сѣ̣ б̣ош̣а̣а̣** делает вполне вероятным интерпретацию толкования **равъ, оучѣн̣ь вели̣и̣** как ‘великий учитель’ (в имплицитном противопоставлении к др.-евр. מֵרַם ‘учитель’). Эту дефиницию следует признать семантически точной и нетривиальной.

Некоторые словарные статьи рукописного учебника имеют довольно сложную структуру, например: по ѳврѣскѣи оуѣ, молѡдѣ, ѡлѣма молѡца; нахѡтъ бо сѡ въ к'нигахѣ писанѡ ш'то шаѡу [на полях: сѡу] звѡ дѡа оуѣѣ; пакѣ писанѡ ѣ сѣ, ѡлѣма зѡнѣ и порѡтъ сѣа; ѣ бѡудѣ въз'ванѡ ѣма ѣ ѣманѡѣилѣ, ѣ ѣ с ѡами бѣѣ, ѣнѣи же ѣв'рѣи тѡкѡѣѣ, ѡлѣма, дѡа (л. 125 об.). Содержание этой словарной дефиниции таково: 1) перевод на славянский двух семитских слов оуѣ и ѡлѣма, представляющих собой взаимно соотносимые существительные

мужского и женского рода соответственно; 2) ветхозаветная ссылка на то, что Саул звал Давида **оулѣ** (стих 1 Цар 17.56, содержащийся в масоретской версии, но отсутствующий в Септуагинте и, следовательно, неизвестный православным славянским книжникам); 3) новозаветная цитата стиха Мф 1.23, в свою очередь воспроизводящего (в несколько расширенном виде) ветхозаветный стих Ис 7.14, древнееврейский текст которого содержит толкуемое **а́лѣма**; 4) указание на альтернативное еврейское толкование последнего слова (совпадающее с христианским)¹.

Как видим, в некоторых случаях кириллический учебник демонстрирует действительно высокий (по средневековым представлениям) уровень лексикографической разработки толкуемого словарного материала.

Текстовый комментарий

Важной особенностью рукописного учебника древнееврейского языка является использование в нем текстового комментария, призванного путем цитирования отдельных мест Священного Писания либо отсылок к ним облегчить потенциальному читателю усвоение излагаемого языкового материала.

Так, цитированное выше толкование др.-евр. **לַחֲוִי** ‘девушка, девица; молодая женщина; (редко) девственница’ содержит одну отсылку к библейскому стиху **נַחֲשׁוֹתַי בּוֹ סֵא בְּכִנְיָהוּכָא פִּסְנִי שִׁתּוֹ שֶׁאֵין בָּהֶן שָׂדֵי** [на полях: **שָׂדֵי**] **זֶכֶּרָה דְּבִרָה בִּלְעֵז** (см. 1 Цар 17.56) и одну новозаветную цитату Мф 1.23 (**пакы писанѣ е сѣ, а́лѣма зѣнѣ и порѣшѣ сѣа; и бѹде възванѣ йма е йманѹйлѣ, ѿ ѿ нѣми бѣѣ**), в свою очередь воспроизводящую (в расширенном виде) ветхозаветный стих Ис 7.14. Здесь оба раза имеются в виду конкретные места Священного Писания (Ветхого и Нового Завета соответственно), с которыми связаны толкуемые древнееврейские слова.

Вот иные случаи использования библейского текста в качестве комментария, иногда весьма пространного, к излагаемому языковому материалу (библейские цитаты выделены):

л. 126 **אָדָם סֵן, שֶׁפֶל. פֹּרְקִי סֵן, פֹּרְקִי פֶלֶם, רֵעַ בֶּן אָדָם, פֹּלֵחַ מִבֵּן סֵם, בְּמֶסֶד גִּעְוֵל, עֵדוּב קַיִן** (Быт 4.25); эта цитата эксплицирует предлагаемую Библией этимологию имени *Сиф* посредством глагольной формы *положил* (Быт 4.25 ...и она родила сына, и нарекла ему имя: Сиф [лѣ], потому что Бог положил мне [לֵךְ] другое семя...); библейский текст не уточняет, кому именно — Адаму или Еве — принадлежат слова *положил мне*; в Септуагинте они приписаны Еве, что эксплицировано причастием

женского рода $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\omicron\upsilon\sigma\alpha$ ‘досл. говорящая’ (не имеющим соответствия в масоретском тексте); но рукописный учебник усваивает произнесенные слова Адаму (רֵאָ בְּעַד אָדָם), подобно некоторым иудейским памятникам (например, Aguch Lenar al Massehet Yevamot, 6.62); о сравнительной древности этой традиции свидетельствует ее отражение в трудах Августина Гиппонского († 430): „Когда родился Сиф, Адам по Божественному внушению вполне мог сказать: *Бог положил мне другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин*“ (О граде Божием, 15.15)²;

л. 126 об.–127 **когелосѣ, црѣковѣ, рѣше, сѣбѣраніе, сѣицѣ бѣ и гѣ нѣшѣ иѣ хѣ кѣ жидѣ глѣше, не по всѣмъ ли днѣмъ бѣ сѣ вамѣмъ вѣ црѣкви ѡуча вѣмъ и дѣмъ вси люде сѣбираюти** (контаминация параллельных стихов Мк 14.49 и Ин 18.20)³; евангельская цитата поясняет перевод и раскрытие внутренней формы др.-евр. לְהַקֵּץ , которое ввиду представленного в рукописном учебнике смысла и внутренней формы (**црѣковѣ, рѣше, сѣбѣраніе**) должно пониматься не как др.-евр. לְהַקֵּץ ‘Когелет, Екклесиаст (собиратель или проповедник; также название ветхозаветной книги)’⁴, а как форма определяемого слова (нисмах) לְהַקֵּץ в сопряженном сочетании имен (смихут, status constructus), что в изолированном положении звучит как לְהַקֵּץ ‘собрание’ [Gesenius 1906, 875]; при этом нисмах לְהַקֵּץ представлен в масоретской версии лишь однажды — в сочетании $\text{בְּקִרְיַת לְהַקֵּץ}$ ‘общество Иакова’ (Втор 33.4 Закон дал нам Моисей, наследие обществу Иакова); особые (смихутные) формы определяемого слова (нисмах) в составе сопряженного сочетания имен встречаются также в иных местах рукописного учебника: **попѣ, нахѣ, или маѣ, попѣмъ, нахѣмъ** (л. 129 об.), где последнее слово приведено не в изолированной, а в смихутной форме множественного числа;

л. 127–128 **ѣлѣ безѣмѣ имѣ, кѣ домѣмъ мѣри моѣмъ. иѣлѣ хѣдѣрѣ, горасѣ; и кѣ коморѣмъ заѣмѣницѣ моѣмъ; ѡ бытиѣмъ ѡ ревецѣмъ; ревецѣмъ иѣспѣниѣмъ днѣмъ рѣѣва ѣмъ; а моѣмъ бѣлизѣмъ вѣмъ чреѣмъ ѣмъ. и вѣшѣмъ прѣвѣмъ черѣмъ вѣмъ весь ѡ; какѣмъ то; гѣѣмъ волосѣмъ, и возѣвали иѣмъ ѣ иѣсѣмъ; а попѣмъ вѣшѣмъ брѣмъ ѣмъ; а рѣмъ ѣмъ ѣмъ сѣмъ за пѣмъ иѣсѣмъ; и вѣзѣвали иѣмъ ѣмъ иѣковѣмъ; и рѣ иѣсѣмъ, вѣмъ правѣмъ нарѣмъ сѣмъ иѣмъ ѣмъ, иѣковѣмъ, ѡбѣмъ бѣмъ мѣмъ вѣмъ, прѣвѣмъ бѣмъ моѣмъ вѣмъ; и нѣмъ вѣмъ бѣмъ моѣмъ и послѣмъ иѣковѣмъ послѣмъ прѣмъ нѣмъ, кѣ иѣсѣмъ брѣмъ ѣмъ, до зѣмъ сѣмъ полѣмъ ѣмъ, и вѣмъ вѣмъ нѣмъ, и вѣмъ дѣмъ жѣмъ ѣмъ, и дѣмъ рѣмъ ѣмъ, и дѣмъ. дѣмъ ѣмъ, и прѣвѣмъ сѣмъ на прѣвѣмъ иѣмъ; и вѣмъ и и прѣвѣмъ иѣмъ чрѣмъ**

рекѡу, ѡ переѡезлѣ всѣ што бѣло ѡу не, ѡ ѡспѣ сѧ ѡко ѡдѣ; ѡ борѡ сѧ моу с нѣ, да до вѣдѣнїе зѡри, ѡ видѣ то ѡ не могѣ с не, ѡ ранѣ ѡго в чашькоу колѣна ѡ, ѡ вѣдѣвала сѧ чѡка колѣна ѡковѣла в боронѣ с нѣ; ѡ рекѣлѣ, поустѣ мене ѡжѣ ѡузошла ѡ зорѣ; ѡ рекѣлѣ, не пѣшѣ тебѣ алѣ блѣвишь мѣ; ѡ рекѣлѣ кѣ немѡу, какѣ ѡмѣ тебѣ, ѡ рѣ ѡковѣ, ѡ рекѡ, не ѡковѣ бѡудѣлѣ рѣнѡ ѡмѣ твоѡ еше; алѣ, ѡсѣрѣ; ѡ сѣпанѡвѣ ѡсѣ нѣ ѡнѣлѡ, а поготовѡмѣ моужевѣ ѡзможешѣ, ѡ просилѣ ѡковѣ, ѡ рекѡ повѣдѣлѣ нѣлѣ ѡмѣ твоѡ, ѡ рекѡ, чемѡу сѧ прохѣши ѡмѣнѣ моѡ, ѡ блѣви ѡ тамѡ (Быт 25.24–26; 27.36; 32.3, 22–29); здесь обширная ветхозаветная цитата комментирует толкуемый библейский стих (Пес 3.4 либо 8.2 ... в дом матери моей и во внутренние комнаты родительницы моей), поясняя, что под матерью-родительницей разумеется Ревекка, жена Исаака, мать Исава и Иакова, который позже был наречен Израилем;

л. 129 вѣсана, подоимѣ, ѡли вѣзмѣтъ; несѣ лагоимѣ, знамѣ вѣ ѡзѣкѣ, цѣнѣ, знамѣ на поли, чѣто поѣнѣ (Ис 11.12); это единственный случай, когда библейская цитата предваряет комментируемое слово; здесь выражается мысль, что Сион — это и есть то знамя, которое, по пророчеству, будет поднято язычникам (Ис 11.12 И поднимет знамя язычникам, и соберет изгнанников Израиля, и рассеянных Иудеев созовет от четырех концов земли);

л. 129 об.–130 ѡковѣ, лѣспѣ, ѡли, пѣта, ѡсавѣ, рѣше, волѡсѣ; ѡдѣ бѡ ѡсавѣ сѣчѣвицѡу черѣнѡу сѣ бѡ рѣ прозѣва сѧ ѡдѣ, рѣше, чѣмнѣ, ѡбо ѡзо ѡтробѣ мѣре вѣшѡ прѣвѣе чѣрѣмѣнѣ весь, ѡ гоуѣ волѡсѣпѣ. ѡ прозѣвали ѡмѣ ѡ, ѡсавѣ, рѣше, вѣлѡсѣпѣ; ѡ бѣ неколико ѡсавѣ голодѣнѣ, ѡковѣ же ѡдѣше сѣчѣвицѣ чернѣ, ѡ рѣ ѡсавѣ кѣ ѡковѡу, наѣмѣ мѣ ѡпѣсѣ, рѣше в сѣи чѣ ѡ сѣ черѣмѣнѣ, чѣмнѣ ѡ мене, ѡсѣ проудѣ ѡзѣ; то дѣлѣ вѣзѣвано ѡмѣ ѡ ѡдомѣ, рѣше, чѣмнѣ ѡбѣрѣзѣ тѣла чѣрѣмнѣ. ѡ ѡдѣнѣ рѣ сѣчѣвицѣ чѣрѣмнѣ; ѡ ѡ соугѡбѣ ѡмѣ ѡ ѡсавѣ, ѡдѣ, рѣше волѡсѣ чѣмѣ (Быт 25.29–30, 25, 29–30); эта цитата объясняет толкование имени Исава, прозванного также Едомом.

Как видим, в комментариях к словарным статьям активно цитируется Ветхий завет, а точнее — Книга Бытия и Книга пророка Исаии (одна отсылка и четыре цитаты, две из которых весьма пространны), тогда как Новый Завет (Евангелие) используется лишь дважды, причем в одном случае цитируемый евангельский стих Мф 1.23 сам содержит ветхозаветную цитату Ис 7.14. Единственная ссылка имеет в виду ветхозаветный стих 1 Цар 17.56.

Библейские цитаты и отсылки обычно вводятся краткими пояснениями (кроме последнего примера, сопровождаемого обобщающим заключением): **נאחזיט בֹּס סֵא בְּכִנְיָהוּ פִּסְנֵא...**; **פִּקְיִי פִּסְנֵא עֵ...**; **רֵי בֹס אֲדֵא...**; **סִינֵץ בֹּס יִ גֵּץ נִישׁ יֵץ חֵץ כֵּץ זִידֵץ גִּלְשֵׁ...** При этом цитируемый источник указан лишь однажды (**וְיִבְיִתִּיָּא וְרֵעֵץ...**), что, видимо, предполагает знание потенциальным читателем содержания соответствующих библейских источников — Книги Бытия и Евангелия.

Лишь один приложенный к словарной статье комментарий представляет собой не библейскую цитату, а оригинальное пояснение: **רמֵא, סֵמִי, תִּבְּקֹ בֹס עֵ אֲדֵאֵץ בְּ צִלְעֵץ** (л. 126)⁵.

Изложение элементов грамматики и словообразования

Составители рукописного учебника стремились познакомить потенциального читателя с отдельными элементами словообразования (в том числе 6 примеров на словосложение) и грамматики древнееврейского языка, а именно с противопоставлением существительных по роду (5 пар соотносимых лексем), образованием множественного числа (6 примеров) и форм с местоименными суффиксами притяжательного значения (9 случаев).

Противопоставление существительных по роду показано в рукописном учебнике на следующих примерах: **אֲדָמָא, זֵלֵא, אֲדֵא. זֵלֵנִי** (л. 125); **פֹּס עִבְרֵסְקִי אֲוֵלֵי, מֹלִידֵי, אֲלָמָא מֹלִידֵי** (л. 125 об.); **בְּרָא אֲחֵץ, סֵסְטְרָא אֲחֹסֵץ** (л. 126 об.); **מֹוֶזֶץ יִישׁ, זֵנָא יִישָׁא צִלְקֵץ אֲדֵא; רֵשֵׁ, זֵמִתֵּנִי, זֵמִלָּא, אֲדָמָא** (л. 129–129 об.); **סָרָא, פָּנִי, סָרֵץ, פִּי** (л. 129 об.), ср. также: **סָרָא פָּנִי סָרָא פָּנִי וְעִלִּיָּא סִרְעֵי, וְעֵץ בֹּשְׂמֵא** (л. 125). Все они демонстрируют образование форм женского рода путем прибавления к соответствующей форме мужского рода гласного окончания *-a* (на письме *-ah* с непроизносимым конечным согласным *ge*): **יִישׁ** ‘муж’ — **יִישָׁא** ‘жена’; **סָרֵץ** ‘господин’ — **סָרָא** ‘госпожа’; **אֲדֵא** ‘человек’ — **אֲדָמָא** ‘земля’, причем иногда присоединение окончания сопровождается значительным изменением исходного вокализма: **אֲוֵלֵי** ‘юноша, молодой человек’ (это слово дано не в древнееврейской, а в арамейской огласовке) — **אֲלָמָא** ‘девушка, девица; молодая женщина; (редко) девственница’. Показан и иной способ формального соотношения существительных, противопоставленных по роду: **אֲחֵץ** ‘брат’ — **אֲחֹסֵץ** ‘сестра’.

Образование множественного числа. В явном виде формы единственного и множественного числа противопоставлены в двух местах рукописного учебника: **מִלִּי, עֵמֶץ, מֵאֵתֵרִינָא מֵאֵתִי, יִמָּגֹסֶץ, וְצִי, אֲבֵץ, וְצִוֵּבֶץ וְצִי אֲבֹסֶץ** (л. 126 об.); **רֵקָא, נָאֵגָרֶץ, רֵקִי נֵגָרֵץ, פֹּתֵבֶץ, נֵאחָא, יִלִּי מֵאִי, פֹּתֹקִי, נֵאחֵץ** (л. 129 об.). В первой серии примеров

а) 3 л. ед. ч. муж. р.: шломѠ, солсѠмѠ, мирѠ ѣ, шалѠ, мирѠ (л. 124 об.); ѣрѠ граѠ, ѣрѠ граѠ ѣгѠ, шемѠ, ѣма, шмо, ѣма ѣгѠ. макѠ, мѣсто, мѠкомо мѣсто ѣ (л. 125 об.);

- б) 2 л. ед. ч. муж. р.: יְמֵחָה, מִפִּי תְּבוֹאָה <...> עֲלֹלֶסֶחָה, רִשְׁתֵּינִי כֹּהֵן; אֲנִיחָה. יְצִיךָ תְּבוֹי (л. 127) при מִפִּי, עֵמֶךָ <...> יְצִיךָ, אֲנִי (л. 126 об.);
- в) 1 л. ед. ч. עֵלֶךָ בְּעֵצְךָ יָמִי, כֶּךָ דֹּמֶם מִפְּרִי מִסֵּיִךְ. יֵעֵלֶךָ חֶדְרְךָ, גֹּרָסִי; יֵ כֶּךָ כּוֹמֹרֶךָ זִמְתֵּינִי מִלֵּךְ (л. 127) при מִפִּי, עֵמֶךָ (л. 126 об.).

Формы последнего ряда (1 л. ед. ч.) не имеют признаков рода и потому могут употребляться лицами как мужского, так и женского пола, однако первые два ряда (2 и 3 л. ед. ч.) содержат лишь формы мужского рода (при отсутствии в рукописном учебнике морфологических соответствий женского рода). Видимо, это отражает содержательные и коммуникативные особенности исследуемого памятника, повествующего мужской аудитории (формы 2 л. ед. ч.) о лицах преимущественно мужского же пола (формы 3 л. ед. ч.).

Для двух суффиксальных образований (עֲלֹלֶסֶחָה, גֹּרָסִי) исходные формы в рукописном учебнике не показаны. Читатель может наблюдать значительные изменения вокализма при присоединении местоименного суффикса (в цитируемых примерах — 3 л. ед. ч. муж. р.): שָׁלַחְךָ ‘мир’ — שָׁלַחְךָ ‘мир его’; שֵׁמֶךָ ‘имя’ — שֵׁמֶךָ ‘имя его’; מָקוֹם ‘место’ — מָקוֹמְךָ ‘место его’.

Словообразование древнееврейского языка представлено в рукописном учебнике, во-первых, рассмотренным выше образованием имен женского рода от соответствующих форм мужского рода и, во-вторых, словосложением: בְּכַנְיָאֵלִי, בָּרַךְ, יְנוּ סִנְךָ, בְּכַנְיָאֵלִי, יְנוּ, יְנוּ גֹּלֹבֶבֶךָ; עַ בְּכַנְיָאֵלִי בָּרַךְ בְּכַנְיָאֵלִי סִנְךָ גֹּלֹבֶבֶךָ (л. 124 об.–125); אֲדָה, סֹדֶךָ, כָּלֶךָ, בְּכַנְיָאֵלִי; עַ בְּכַנְיָאֵלִי רַעֲיָה, אֲדָה, סֹדֶךָ בְּכַנְיָאֵלִי (л. 125); מִכָּה, שְׁתֹּלֶךָ, יָלֶךָ, בְּכַנְיָאֵלִי, בְּכַנְיָאֵלִי מִכָּה, שְׁתֹּלֶךָ יָלֶךָ, בְּכַנְיָאֵלִי רַעֲיָה שְׁתֹּלֶךָ בְּכַנְיָאֵלִי (л. 126 об.), но иногда составные части сложных слов приведены в разных местах словарика: סָרַךְ, פָּה, עֲסָרָה, בִּנְיָאֵלִי בְּכַנְיָאֵלִי יְנוּ כַּבְּיָאֵלִי סִנְךָ גֹּלֹבֶבֶךָ בְּכַנְיָאֵלִי (л. 129 об.) при אֲדָה, סֹדֶךָ, כָּלֶךָ, בְּכַנְיָאֵלִי; עַ בְּכַנְיָאֵלִי רַעֲיָה, אֲדָה, סֹדֶךָ בְּכַנְיָאֵלִי (л. 125), מִכָּה, שְׁתֹּלֶךָ, יָלֶךָ, בְּכַנְיָאֵלִי, בְּכַנְיָאֵלִי מִכָּה, שְׁתֹּלֶךָ יָלֶךָ, בְּכַנְיָאֵלִי רַעֲיָה שְׁתֹּלֶךָ בְּכַנְיָאֵלִי (л. 126 об.), בָּרַךְ כָּלֶךָ יְנוּ סִנְךָ, כֶּךָ דֹּמֶם מִפְּרִי מִסֵּיִךְ, כֶּךָ דֹּמֶם מִפְּרִי מִסֵּיִךְ כֶּךָ דֹּמֶם מִפְּרִי מִסֵּיִךְ (л. 128 об.), а также יְמָנוּעִי, עַ עַ נָאִי בְּכַנְיָאֵלִי (л. 125 об.), גַּבְרִיעֵל, מֹדֶסֶךָ בְּכַנְיָאֵלִי (л. 126 об.), где приводимые в рукописном учебнике данные позволяют объяснить лишь вторую (но не первую) часть древнееврейских сложных слов.

Примечательно, что кириллический учебник содержит композит, составные части которого якобы принадлежат разным языкам — арамейскому и древнееврейскому: בְּכַנְיָאֵלִי, בָּרַךְ, יְנוּ סִנְךָ, בְּכַנְיָאֵלִי

хах Быт 32.3, 36.8, 21; Чис 24.18; Суд 5.4; Иез 35.15; рукописный учебник содержит первый из них в руськомовном изложении (л. 127 об.).

К синонимам следует причислить также формы ѣмѣха, мѣи твоѣ <...> ѣладасѣха, рѣтѣница ѡѡ (л. 127), расположенные в относительной близости друг от друга.

Антонимы представлены следующими толкованиями: **равѣъ, ѡучѣплѣ велѣй, лѣдѣ, ѡучѣникъ** (л. 125); **мицѣрай, ѣгипетѣ; тѣкъзетѣ сѣ тѡуга, ѣли глѣ; ѡбилѣ, пожитѣ всѣ добѣра зѣнѣ плодѣ** (л. 125–125 об.). Первый пример демонстрирует языковую антонимию, а во втором речь идет об антонимичности толкования древнееврейского названия Египта (Мицраим) и др.-евр. **עֲשֵׂר** ‘хороший урожай; сытость; обилие’, которое в рукописном учебнике оказалось пропущенным (видимо, случайно — в результате последующей переписки) при сохранении толкования **ѡбилѣ, пожитѣ всѣ добѣра зѣнѣ плодѣ**. Это слово сочетается с названием Египта в Быт 41.29–30, 34, 53.

К антонимам можно отнести также пары слов, рассмотренные в предыдущем разделе: соотносимые по роду существительные, а также мѣи, ѣмъ <...> ѡѡѣ, ѡвѣ (л. 126 об.); ѣмѣха, мѣи пѣоѡ <...> ѡѡѣха. ѡѡѣ пѣоѡ (л. 127).

Тематические группы рукописного учебника подразделяются на:

- а) двучленные (в частности, супружеские пары): **ѡв̑рагѡ**, **ѡцъ мнѡска**, **сара пани**, причем последнее имя с вариантом **сѣра пани великѡ сирѣ**, **всѣ бѡшаѡ** (родители Исаака, л. 125); **йѡѡкимѣ**, **поставленіе**, **ханна**, **помилованіе** (родители Девы Марии, там же); **йакѡвѣ**, **лесть**, **йли**, **папта**, **исавѣ**, **реше**, **волосѡ** (сыновья Исаака, л. 129 об.);
- б) многочленные: пара **фараѡ**, **празѣнѣ**, **мицѣрай**, **египетѣ**; **покъметѣ са тѡуга**, **йли глѡ**; **ѡбиліе**, **пожитѡ всѣ добра зѣна плодѡ <...>** по **ѣвреискій**, **каѣторѣ**; **реше**, на **врѣху** **лѣствицѣ вѣсходѣцѣ прѣ двѣрьми стѣнныими** (египетские реалии, л. 125–125 об.); **ѡдамѡ ѣнѣ**, **шетѣ**. по **грѣкѣй си**, по **роукѣй полоніе**, **рѣ бѡ аѡа**, положи ми **ѣѣ семѣ**, въ **мѣсто гевера**, **ѣѡ оуби кайнѣ**, **сей геверѣ** по **грѣкѣѡ авель сказаѣтѣ са**, **геверѣ**, **лѣшій**; **ѡ кайнѣ**, **коупенѣ** (сыновья Адама, л. 126); **микѡ**, **ѡполѣ**, **йлѣ**, **ѣгѣ**, по **грѣкѣѡ михай**, **реше ѡполѣ ѣѣ малахѣ** по **грѣкѣѡ ангѣ** по **роукѣй посолѣ <...>** **габриѣ**, **моусѣ**, **ѣжиѣ** (бесплотные силы, л. 126 об.); **пиписѣ пыаноѣ**, **шехарѣ**, **йинѣ**, **винѡ**, **медѣ**, **двашь** (алкогольные напитки, там же); **марѣграмѣ**, и **смоква йагода**, **нерѣ**, **шаѣранѣ** (пряности, там же); **мппи**, **ѣмѣ**, **маперина мати**, **ймагосѣ**, **ѡцѣ**, **авѣ**, **ѡѡовѣ ѡцѣ ѡавосѣ**, **ѣѡ**

Кириллическая транскрипция древнееврейских цитат некоторых библейских книг отражает региональное произношение, совмещающее в себе черты двух — сефардской (особенно в отношении гласных) и, возможно, ашкеназской — региональных традиций и может быть предположительно охарактеризовано как провансальское [Temchin 2013]. При этом тот же (с небольшими вариациями) тип произношения древнееврейского текста наблюдается в Виленском ветхозаветном своде, что дополнительно подтверждает взаимосвязь этих двух памятников письменности, а также выявленную ранее приверженность их предполагаемого автора — киевского ученого иудея Захарии бен Аарона га-Кохена — еврейско-провансальской ученой традиции [Темчин 2006, 306–308].

Параллельный перевод на руську мову

Большинство библейских цитат, выписанных на древнееврейском языке кириллицей, сопровождаются в рукописном учебнике параллельным переводом на руську мову (Быт 2.8, 32.27–28; Песн 3.4 (либо 8.2), 8.5; Ис 11.12). Этот перевод, по крайней мере в некоторых случаях, не выполнялся специально для рукописного учебника древнееврейского языка. Как показывают цитаты из Песни песней, он заимствовался в готовом виде из руськомовно́й версии масоретского Священного Писания, переведенной непосредственно с древнееврейского языка и частично сохранившейся в составе Виленского ветхозаветного свода [Темчин 2011; 2012b].

При параллельной подаче текста в оригинальном древнееврейском звучании (кириллицей) и переводе на руську мову цитируемый текст разбивается на небольшие фрагменты, каждый из которых тут же сопровождается руськомовным переводом. Этот способ сегментированного изложения текстового материала призван облегчить его восприятие людьми, не владеющими древнееврейским языком, например:

Пес 3.4 (либо 8.2) и 8.5: *шамô, тамо, хиб'ласха, болела, побою; йм'ѣха, м'пи твоѣа, шама хиб'ла, тамо б'ол'ѣла, ѣладас'ха, р'от'ѣница 'воа <...> ѣлъ без'съ ими, къ домъ м'при мо'ѣа. й'ѣлъ хед'ѣр'ѣ, гораси; й къ комор'ѣ за'ѣѣница мо'ѣа* (л. 127);

Ис 11.12: *в'ѣсана, подойм'ѣ, или в'ѣзм'ѣтъ; несъ лагойм'ѣ, зн'ам'ѣ въ ѣз'ѣк'ѣ* (л. 129).

Тот же метод изложения иноязычного текстового материала применен в кириллическом конвolutном сборнике XV–XVII веков, происходящем с земель ВКЛ (Москва, Государственный исторический музей, Синодальное собр. (ф. 80370), № 558): в его части, относящейся к по-

следней четверти XV века, на лл. 59–60 выписана кириллическая транскрипция латинских текстов (Молитва Господня, Молитва Богородице и Апостольский символ веры), разбитых на небольшие сегменты, каждый из которых сопровождается переводом на руську мову [Верхоланцева 2009, 85–86; 2010, 76–78].

Эта особенность передачи латинского текста получила следующее объяснение: “Запись в сборнике Син. 558 вряд ли является первоначальной и, скорее всего, была списана с модели, в которой расположение текстов было более понятным и легко воспринимаемым, т.е. латинский и «руський» тексты были записаны в отдельные столбцы. Первым, очевидно, был записан латинский текст молитв, затем к нему сбоку параллельно был приписан «руський» перевод. Впоследствии переписчик написал эти два столбца в одну строку, поэтому в дошедшей до нас записи латинский и «руський» тексты чередуются, соблюдая деление на строки оригинала, а не на смысловые фразы. Не исключено, что первоначальная запись даже сохраняла латинский текст в записи латинскими буквами, и поэтому интерполированные «руськие» глоссы достаточно ясно выделялись. В дошедшем до нас варианте латинские молитвы уже переписаны кириллицей, очевидно, для нужд тех, кто не владел латинской грамотой” [Верхоланцева 2010, 78].

Использование того же способа изложения иноязычного текста (сегментированная кириллическая транскрипция с параллельным руськомовным переводом) в рукописном учебнике древнееврейского языка, сохранившемся в списке третьей четверти XVI века, но созданном предположительно во второй половине XV века, делают высказанные предположения не слишком вероятными. Видимо, в обоих случаях иноязычный текст сразу же записывался кириллицей в расчете на людей, не владеющих соответствующим письмом, а двуязычный текст уже изначально выписывался не в две колонки, а в строку, где небольшие сегменты иноязычного текста чередовались с их руськомовным переводом. Именно в таком исходном виде и дошли до нас (в более поздних списках) оба памятника, созданные в ВКЛ примерно одно и то же время и посвященные соответственно латинской и древнееврейской языковой и религиозной традиции.

Активизация материала

Составители рукописного учебника, безусловно, понимали, что излагаемый семитский языковой материал будет представлять для обычного восточнославянского читателя определенную трудность, и потому стре-

мились облегчить его восприятие. После аналитического, поэлементного представления сложного либо составного древнееврейского имени, когда каждая его часть получала отдельное толкование, читателю предлагалось осуществить обратный процесс — синтез уже усвоенных элементов в единое целое. В этом методическом приеме можно усмотреть попытку активизации пассивно усвоенного языкового материала.

В начале рукописного учебника данный педагогический прием применяется при толковании сложных имен: **БИНЪ НОУНЪ СНЪ НОУНОВЪ; Ё СКАЗАОМЪ ВЪКОУПЪ; ІС СНЪ НАВІИНЪ** (л. 124 об.); **ДА, СОУ, ТАЛ, БЖІИ; Ё ОУКОУПЪ РЕШИ, ДАТАЛ, СОУ БЖІИ** (л. 125). Второй пример прозрачен и не требует комментария, а в первом после призыва синтезировать уже известные элементы (**Ё СКАЗАОМЪ ВЪКОУПЪ**) представлен синтез не древнееврейского материала, как следовало бы ожидать, а лишь славянского, который для целевой аудитории рукописного учебника не представлял никакой сложности ввиду своей общеизвестности. Следует предположить, что в данном месте памятника исходный текст содержал синтез именно семитского материала (что-то типа ***ЙГОШОУ БИНЪ НОУНЪ**), после чего давался его славянский перевод (**ІС СНЪ НАВІИНЪ**), как это сделано во фрагменте библейского стиха Быт 2.8 (о нем ниже). При последующей переписке древнееврейское синтетическое выражение было утрачено, а его славянский перевод остался. В дошедшем до нас списке памятника есть и иные случаи вторичной утраты семитского материала при сохранении его русскомоновного перевода. Примечательно, что в только что разобранном примере толкуется не все сложное имя, а лишь вторая часть (Навин), тогда как толкование первой его части (Иисус) дано в рукописном учебнике несколько ниже: **ПО ЁВРЕЙСКИИ; ЙГОШОУ МЕШИИ. ПО ИНИИ ЖЕ ЁВРЕЕ ПОНА ЗАКО ИШОУ МЕСИИ, ПО ГРЕКО ЖЕ ИСОУ ХС, ПО РОУКИИ, СПИПЕ ПОМАЗАНИКИ** (л. 126).

После применения описанного выше приема (синтезирования) к сложным и составным именам читателю предлагается применить его к библейскому тексту — сначала к небольшому сегменту, состоящему всего из трех знаменательных слов (Быт 2.8), а затем к гораздо более пространному фрагменту (Быт 32.27–28):

Быт 2.8: **ГАНЪ, ШГОРЪ, ЙДЕНЪ КОХА РЕШЕ, ПИЧА, КЕДЕМЪ СЪ ВОСЪТОКА, Ё ОУКОУПЪ РЕ, ГА ЕДЕНЪ КЕДЕ РЕШЕ, ШГОРЪ ПИЧА НА ВЪСЪТОЦЪ** (л. 126);

Быт 32.27–28 (28–29): **ПО ЁВРЕЙСКИИ, ВАЖОМЕ ЕЛАВЪ, МА ШМЪХА. ПЪ, И РЕКЛА ЕМОУ, КАКЪ ИМА ТОВЪ, ВАЖОМЕ ІАКОВЪ, ПЪ, И РЕ ІАКОВЪ; ВАЖОМЕ АС ІАКОВЪ, ТАМЕРЪ ШДЪ ШИХА, КИ ИЪ, ЙСАЕЛЬ; ПЪ И РЕ, НЕ ІАКОВЪ БОУДИТЪ РЕНО ЕЩЕ ИМА ТВОЕ, НО ПЪМО МОУЖЕ БГЪ; КИ САРИСА ИМА ЕЛШГИМЪ; ПЪ, И ВЪЗМОГЛА ЕСИ СЪ БОГОМЪ; ИНИ ПЪ, ИБО БОРО СЪ ЕСИ СЪ БОГЪ, ВЫИМЪ, АНАШИ, ВАПОУХАЛЪ**

пѡ. на пѧ мѡужовѣ ѡзможешѣ; ки сарисѧ ѡмѣ ѣлогѣ, [на полях: пѡ] ѡ
вѣмоглѣ ѣси братѣ съ бѣгѡ, по ѣврѣйскѣи въкоупѣ пѡ рещи; важомѣръ,
ѣлавѣ, мамѣха, важомѣръ ѡковѣ, важомѣ ло ѡковѣ, тамѣ ѡдѣ шѣха, кѣ ѡмѣ,
ѡсраѣлѣ, ки сарисѧ, ѡмѣ ѣлогѣ, вѣимѣ, ѡнашимѣ, вѡпѡухалѣ (л. 128–128 об.).

Во втором случае после вторичного (синтетического) изложения древнееврейского текста его славянский перевод уже не повторяется — видимо, для того, чтобы не перегружать изложение.

Выводы

Проведенный разбор кириллического рукописного учебника древнееврейского языка и его учебно-методических приемов показал, что этот памятник письменности по своему содержанию и структуре далек от тех двуязычных словариков, которые известны в восточнославянской письменности XV–XVI вв. (и более раннего времени). Его можно охарактеризовать как учебно-методическое пособие, рассчитанное на православную славянскую аудиторию, не владеющую древнееврейским языком. Его основу составляет двуязычный древнееврейско-руско-мовный толковый (с элементами тематического и этимологического) словарь, раскрывающий полисемию и внутреннюю форму толкуемых слов. К нему приложены образцы древнееврейских библейских текстов в кириллической транскрипции с переводом на русскую мову, а также основанный на Библии текстовый комментарий и изложение отдельных элементов грамматики и словообразования древнееврейского языка.

Этот рукописный учебник значительно превосходит иные восточнославянские двуязычные справочные материалы и не имеет близких аналогий в восточнославянской книжности XV–XVI вв., хотя его отдельные особенности (разбивка связного иноязычного текста на синтагмы, каждая из которых сопровождается рускомовным переводом) встречаются в кириллической письменности Великого княжества Литовского того же времени. Данное обстоятельство позволяет предполагать, что методическая сторона рассматриваемого памятника письменности, созданного совместными усилиями православных и иудейских книжников, является одним из результатов еврейского вклада в его создание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробный анализ этого толкования [Темчин 2012с].

² Цитируется по изданию [БК, 139].

³ Подробнее см. [Темчин 2012а, 168–169].

⁴ Ср. также: “*Koxélet* — слово нигде больше не зафиксированное. По форме — это причастие глагола *кахаль* ‘собирать, созывать’ и обычно толкуется как ‘ведущий собрание, ораторствующий перед публикой’ или ‘проповедующий в собрании, поучающий народ’. Под ‘собранием’ разумеется сходка полноправных граждан, т.е., в расширительном значении, весь еврейский народ. С такой интерпретацией связаны две трудности. Во-первых, глагол *кахаль* в своей исходной форме не существует, а в каузативном значении ‘собирать, созывать’ используется лишь порода ‘хифиль’. Получается, что *кохелет* — причастие от несуществующего глагола. Впрочем, в поэтическом языке — а мы имеем дело с поэтической книгой — такое возможно. Во-вторых, *кохелет* — причастие женского рода, что явно не соответствует полу автора. Но если вспомнить, что абстрактные понятия в древнееврейском, как правило, женского рода, *кохелет* можно истолковать как *поучающая премудрость*” [Юнц 1991, 152].

⁵ Подробнее см. [Темчин 2012а, 169].

⁶ См. обсуждение этого вопроса [Темчин 2012b].

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

БК = Одэн Т.К., Лаут Э., Конти М., Гаврилкин К.К. (ред.), *Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет*, т. 1: Книга Бытия 1–11. Тверь, 2004.

КБК = *Классические библейские комментарии. Книга Бытия*: Сборник переводов с древнееврейского, арамейского и средневекового иврита. Москва, 2010.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.А. (ред.), 1998: *Евангелие от Иоанна в славянской традиции*. Санкт-Петербург (Novum Testamentum Palaeoslovenice, I).

Верхоланцева Ю.В., 2009: Чешские и хорватские глаголяши-бенедиктинцы среди православных Литвы и Польши и латинские тексты, записанные кириллицей, in Temčinas S. et al. (ed.), *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir rašties tradicijos*. Vilnius (Bibliotheca Archivi Lithuanici, vol. 7), 81–95.

Верхоланцева Ю.В., 2010: Кириллическая запись латинских молитв и отрывка чина мессы из рукописи Синодального собрания ГИМ № 558, in *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, № 2 (40), 74–90.

Переферкович Н., 1902: *Талмуд. Мишна и Тосефта*, т. 1 (кн. 1–2), издание второе, пересмотренное. Санкт-Петербург.

Таубе М., 2010: Ересь “жидовствующих” и переводы с еврейского в средневековой Руси, in Барталь И. (ред.), *История еврейского народа в России*, т. 1: Кулик А. (ред.), От древности до раннего Нового времени. Иерусалим–Москва, 367–397.

- Темчин С.Ю., 1994: Несклоняемые формы имени Иисус в церковнославянских списках Евангелия XI–XIV вв., in Koroļova J., Kuzņecovs A. (eds.), *Valoda: teorija, vēsture, metodika*. Daugavpils, 57–62.
- Темчин С.Ю., 2006: Схария и Скорина: Об источниках Виленского ветхозаветного свода (F 19–262), *Senoji Lietuvos literatūra*, kn. 21. Vilnius, 289–316. Обновленная английская версия: Temchin S.Y., Skhariya and Skoryna: On the Sources of Vilnius Old Testament Florilegium (F 19–262), in *Pinkas: Annual of the Culture and History of East European Jewry*, vol. 2. Vilnius, 2008, 9–33.
- Темчин С.Ю., 2011: Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка (XVI в.) и Виленский ветхозаветный свод, *Knygotyra*, t. 57. Vilnius, 86–99.
- Темчин С.Ю., 2012а: Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка (XVI в.): публикация и общая характеристика памятника, in Meiliūnaitė V., Morozova N. (eds.), *Naujausi kalbų ir kultūrų tyrimai*. Vilnius (Kalbų ir kultūrų sankirtų archyvai, kn. 4), 137–180.
- Темчин С.Ю., 2012b: Пели ли православные восточные славяне XV–XVI веков псалмы по-древнееврейски, in Pawluczuk U. (ed.), *Język naszej modlitwy — dawniej i dziś*. Białystok (Latopisy Akademii Supraskiej, vol. 3), 19–26.
- Темчин С.Ю., 2012с: Толкование др.-евр. ‘*almāh* в рукописном кириллическом учебнике древнееврейского языка (по списку XVI в.), in Мажэйка М.А. (ред.), *Беларуская кніга ў кантэкście сусветнай кніжнай культуры: вывучэнне і захаванне: зборнік навуковых артыкулаў*, [вып. 4]. Мінск (XVIII Міжнародныя Кірыла-Мяфодзіевскія чытанні, прысвечаныя Дням славянскага пісьменства і культуры “Кніга ў фарміраванні духоўнай культуры і дзяржаўнасці беларускага народа” (Мінск, 16–18 мая 2012 г.). У 2 т. Т. 2), 64–73.
- Темчин С.Ю., 2013: *Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка (список XVI в.)*: языковая компетенция составителей и этнические обозначения (в печати).
- Фасмер М., 1986–1987: *Этимологический словарь русского языка*, издание второе, стереотипное, т. 1–4. Москва.
- Юнц Э.Г., 1991: Книга Екклесиаста, *Вопросы философии*, № 8, 139–154.
- Gesenius W., 1906: *A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament with an Appendix containing the Biblical Aramaic*. Boston etc.
- Moszyński L., 1963: O staro-cerkiewno-słowiańskiej postaci imienia Ἰησοῦς, in Milewski T. et al. (ed.), *Studia linguistica in honorem Thaddaei Lehr-Splawiński*. Warszawa, 191–198.
- Taube M., 2005: The Fifteenth-Century Ruthenian Translations from Hebrew and the Heresy of the Judaizers: Is There a Connection?, in Ivanov V.V., Verkholantsev J. (eds.), *Speculum Slaviae Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages*. Moscow (University of California, Los Angeles. UCLA Slavic Studies, New Series, vol. 4), 185–208.
- Temchin S.Y., 2013: Learning Hebrew in the Grand Duchy of Lithuania: An Evidence from a 16th-Century Cyrillic Manuscript (forthcoming).

SERGEI TEMCHIN

Cyrillic 16th-century manuscript “Manual of Hebrew” and its teaching methods

A concise Manual of Hebrew, recently discovered in a Cyrillic manuscript miscellany of the 3rd quarter of the 16th century (Moscow, the Russian State Archive of Early Acts, F. Mazurin collection (f. 196), inventory 1, No 616, f. 124–130) is very important for the history of the Ruthenian written culture in the Grand Duchy of Lithuania. The Manual of Hebrew comprises material of three different kinds: a) some excerpts from the original Hebrew Old Testament text (Ge 2.8, 32.27–28; Ps 150; So 3.4 (or 8.2), 8.5; Is 11.12) written in Cyrillic characters; b) a bilingual Hebrew–Ruthenian vocabulary with explanatory notes; c) small quotations from the Ruthenian text of three Old Testament books (Genesis, Isaiah, Song of Songs).

The meta-language used in the Manual of Hebrew is Ruthenian. The translations present in the Manual had been made directly from Hebrew. A comparison of the quotations from the Song of Songs found in the Manual and all the known Cyrillic and Glagolitic versions of this book (referring to both the manuscript and the printed sources of different periods) reveals their principal coincidence with the Ruthenian translation found in the Vilnius Old Testament Florilegium (Vilnius, Wróblewskie Library of the Lithuanian Academy of Sciences, F 19–262). The originals of the two manuscripts probably originated in the 2nd half of the 15th century in the circle of the learned Kievan Jew Zachariah ben Aaron ha-Kohen who is also known as Skharia, the initiator of the Novgorod movement of the Judaizers (1471–1504).

The Cyrillic Manual of Hebrew is a clear evidence of this language being taught/learned in the Grand Duchy of Lithuania during the late 15th–early 16th century. The learning material and its presentation methods reveal a quite elaborate (although inconsistently implemented) pedagogical approach which puts the Manual aside from the rest of early East Slavic glossaries of the same or earlier date. Thus, the Manual presents, among other features: a) a number of original Hebrew texts written in Cyrillic, divided into small portions (each with a Ruthenian translation) which are then put together to form a continuous text; b) certain trilingual glossary entries where Hebrew, “Greek” (in reality Slavic borrowings from Greek) and Slavic words are juxtaposed, while in other cases double translations in two different Slavic languages (Ruthenian and Old Church Slavonic) are given; c) some long elaborated definitions, sometimes containing synonymous variants or alternative translations; d) information about the sources of variant Hebrew forms or their meanings; e) information on certain grammatical (gender, plural, possessive) forms and word formation (compounds), etc.

It is beyond doubt that the Cyrillic manuscript “Manual of Hebrew” is a result of joint efforts of Jewish and East Slavic bookmen, but the relatively high level of pedagogical and linguistic sophistication of the joint result is to be ascribed to the Jewish compilers of the Manual rather than to their East Slavic co-authors.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

А. А. ТУРИЛОВ

**МЕЖСЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

И

**ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СЛАВЯН**

ЭТЮДЫ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

